ИСТОРИЯ О ТОМ,
КАК ОПАСНО
И ПРЕКРАСНО БЫТЬ
СОВЕРШЕННО
СВОБОДНЫМ

Шиллер Гёте
Гегель

Великолепные бунтари

Фихте Новалис

Как романтики поставили «Я» в центр Вселенной

Андреа Вульф

Исторический интерес

Андреа Вульф

Великолепные бунтари. Как романтики поставили «я» в центр Вселенной

«Азбука»
2022

УДК 94(430)»17/18» + 1(430)»17/18»
ББК 63.3(4Гем)51 + 87.3(4Гем)51

Вульф А.

Великолепные бунтари. Как романтики поставили «я» в центр Вселенной / А. Вульф — «Азбука», 2022 — (Исторический интерес)

ISBN 978-5-389-35452-4

В конце XVIII века, пока Наполеон перекраивал карту Европы, в тихом немецком городке Йена произошла совсем иная революция — интеллектуальная. Именно здесь, в пылу споров, любовных интриг и творческого безумия, родилось современное представление об индивидуальности. Йенский кружок, в который входили поэты Гёте, Шиллер и Новалис, философы Фихте, Гегель и Шеллинг, братья Шлегель и блистательная Каролина Шлегель, провозгласили свободу личности высшей ценностью, создали романтизм и поставили личное «Я» в центр Вселенной. Выдающийся историк Андреа Вульф оживляет судьбы первых романтиков и мастерски вплетает философию в историю личных драм, показывая, как небольшой кружок бунтарей создал мир, в котором мы живем сегодня. Мир, где наши чувства, права, личное самовыражение занимают первое место. Это история о том, как опасно и прекрасно быть совершенно свободным.

УДК 94(430)»17/18» + 1(430)»17/18»
ББК 63.3(4Гем)51 + 87.3(4Гем)51

ISBN 978-5-389-35452-4

© Вульф А., 2022
© Азбука, 2022

Содержание

Действующие лица 7
Пролог 10
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Андреа Вульф
Великолепные бунтари
Как романтики поставили «Я» в центр Вселенной

Andrea Wulf
Magnificent Rebels
The First Romantics and the Invention of the Self

* * *

© Andrea Wulf Ltd, 2022
© Бойченко Е. А., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
КоЛибри®

* * *

Саскии, моей движущей силе

Увлекательная хроника раннего немецкого романтизма. Вульф, обладающая художественным чутьем к мельчайшим деталям, представляет захватывающее повествование, как восторги сменялись разрывами.
New York Review of Books

[Вульф] рассказывает живую историю… Сто лет назад англоязычные интеллектуалы были гораздо лучше осведомлены о немецких идеях, чем сегодня. Госпоже Вульф следует отдать должное за то, что она ярко оживила образы некоторых забытых мыслителей.
The Economist

Ее настоящая тема – взаимоотношения между этими писателями: их дружба и вражда, любовные романы и профессиональное соперничество, о которых она пишет ярко и захватывающе.
New Republic

«Великолепные бунтари» – это жизнерадостное произведение по интеллектуальной истории, в которой, как говорят в рекламе фильмов, есть всё… Прекрасная и обстоятельная книга.
The New Yorker

Вульф наглядно демонстрирует, что романтиков делал такими увлекательными и сводящими с ума их отказ быть загнанными в рамки.
The New York Times

Увлекательная и глубокая книга представляет захватывающую картину университетской жизни. Вульф рисует трогательный коллективный портрет

интеллектуалов, которые боролись за воплощение своих революционных идеалов. Вульф также показывает, насколько в этом интеллектуальном кругу были важны женщины, которые проводили собственные эксперименты по освобождению. Книга затрагивает взаимоотношения между философией и политикой, мыслью и действием, ярко передает драму идей. «Великолепные бунтари» с большой ясностью показывают, как романтическое стремление к освобождению себя до сих пор формирует наше представление о том, кто мы есть.
The Washington Post

Это действительно потрясающая книга, с яркими портретами, динамичным повествованием и искрящимися идеями. Вульф пишет ясным, плавным языком, который приятно читать.
The Guardian

Замечательно… В захватывающем повествовании о Йенском кружке Вульф убедительно оживляет действующих лиц.
Financial Times

Действующие лица

Августа Бёмер (1785–1800). Старшая дочь Каролины Бёмер-Шлегель-Шеллинг. Жила в Йене с 1796 по 1800 год вместе с матерью и отчимом Августом Вильгельмом Шлегелем.

Каролина Бёмер-Шлегель-Шеллинг, урожденная Михаэлис (1763–1809). Писательница, переводчица, литературный критик и муза Йенского кружка. С 1784 по 1788 год была замужем за Францем Бёмером, с 1796 по 1803-й – за Августом Вильгельмом Шлегелем и с 1803 по 1809-й – за Фридрихом Шеллингом. Жила в Йене с 1796 по 1803 год.

Иоганн Готлиб Фихте (1762–1814). Философ, живший в Йене с 1794 по 1799 год. В июле 1799 года переехал в Берлин. Был женат на Иоганне Фихте, урожденной Ран (1755–1819).

Иоганн Вольфганг фон Гёте (1749–1832). Поэт и тайный советник герцога Карла Августа в Саксен-Веймарском герцогстве. Гёте жил в Веймаре, но регулярно посещал Йену, часто проводил там по нескольку недель. Его возлюбленная, а затем и жена Кристиана Вульпиус (1765–1816) родила ему сына, Августа фон Гёте (1789–1830).

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831). Философ, переехавший к своему другу Фридриху Шеллингу в Йену в начале 1801 года. Жил в Йене до 1807 года.

Александр фон Гумбольдт (1769–1859). Ученый и исследователь, часто навещавший своего старшего брата Вильгельма фон Гумбольдта в Йене в период с 1794 по 1797 год.

Каролина фон Гумбольдт, урожденная Дахерёден (1766–1829). Жена Вильгельма фон Гумбольдта. Жила в Йене (с перерывами) вместе с мужем с 1794 по 1797 год.

Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835). Лингвист и прусский дипломат, живший в Йене (с перерывами) с 1794 по 1797 год. Старший брат Александра фон Гумбольдта. Был женат на Каролине фон Гумбольдт.

Новалис (1772–1801). Фридрих фон Гарденберг был поэтом, писателем и инспектором горных работ. Публиковался под псевдонимом Новалис. С 1790 по 1791 год учился в Йене. Его родовое поместье Вайсенфельс находилось недалеко от Йены, и в 1795–1801 годах он регулярно навещал своих друзей. Сначала был помолвлен с Софи фон Кюн, а затем с Жюли фон Шарпантье.

Фридрих Шеллинг (1775–1854). Молодой философ, живший и преподававший в Йене с 1798 по 1803 год. Находился в романтических отношениях с Каролиной Шлегель, на которой женился в 1803 году.

Фридрих Шиллер (1759–1805). Драматург и поэт. Жил в Йене с 1789 по 1799 год. В декабре 1799 года переехал в Веймар. Был женат на Шарлотте Шиллер, урожденной фон Ленгефельд (1766–1826).

Август Вильгельм Шлегель (1767–1845). Писатель, поэт, переводчик и литературный критик. Старший брат Фридриха Шлегеля. Жил в Йене с 1796 по 1801 год. Был женат на Каролине Бёмер-Шлегель-Шеллинг.

Фридрих Шлегель (1772–1829). Писатель и литературный критик. Младший брат Августа Вильгельма Шлегеля. Жил в Йене с 1796 по 1797-й и с 1799 по 1801 год. В 1799 году в Берлине познакомился с Доротеей Фейт-Шлегель, которая на тот момент была замужем, и влюбился в нее. В 1804 году они поженились.

Фридрих Шлейермахер (1768–1834). Богослов и проповедник. Хотя Шлейермахер никогда не посещал Йену, он регулярно переписывался с членами Йенского кружка, которые прониклись его взглядом на религию. Фридрих Шлегель сблизился со Шлейермахером в 1797 году в Берлине и даже переселился в его дом.

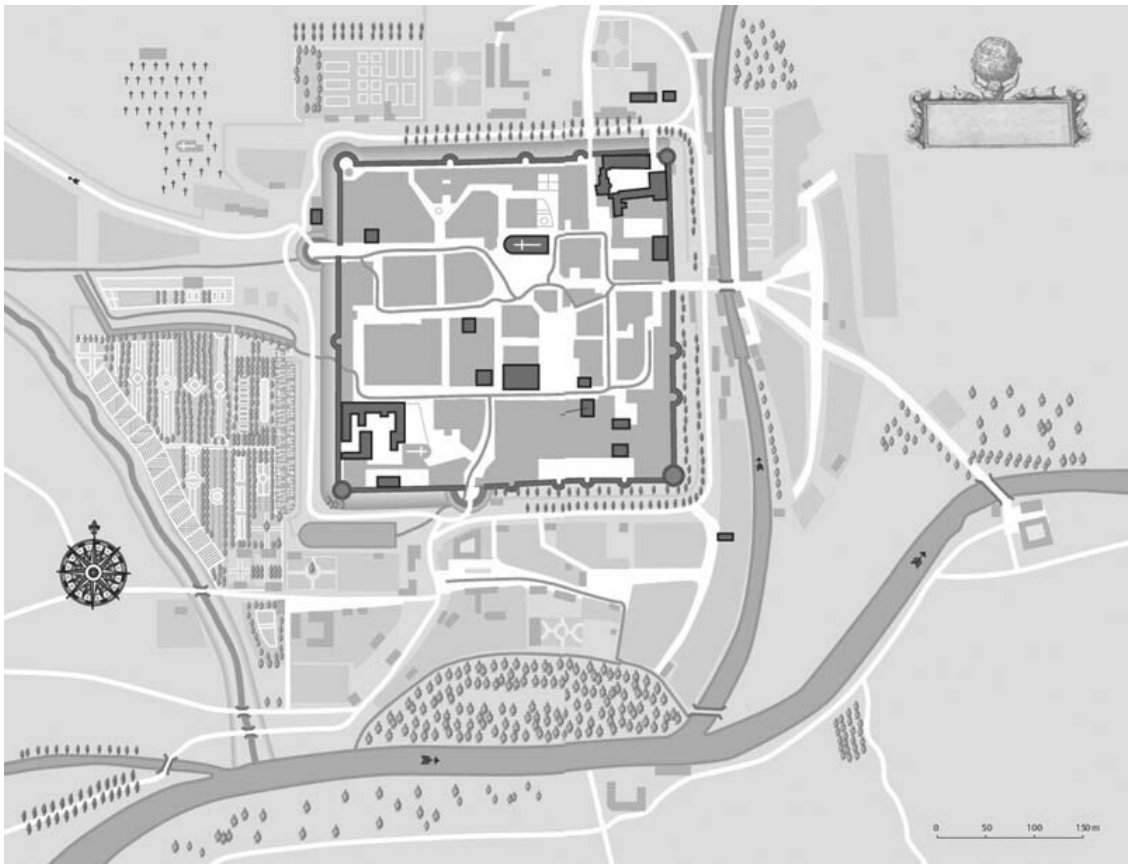
Людвиг Тик (1773–1853). Писатель, поэт и переводчик. Познакомился с Фридрихом Шлегелем в Берлине. Жил в Йене с 1799 по 1800 год. Был женат на Амалии Тик.

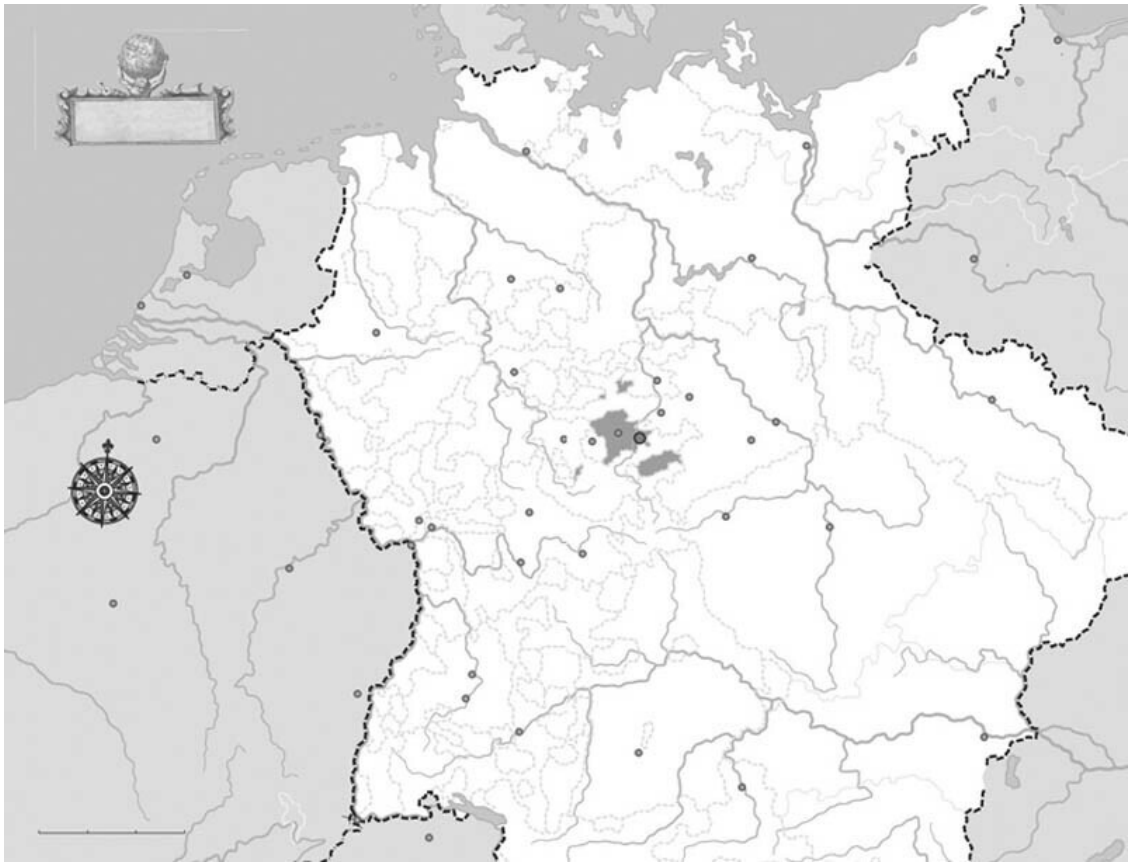
Доротея Фейт-Шлегель, урожденная Брендель Мендельсон (1764–1839). Писательница и переводчица. С 1783 по 1799 год была замужем за Симоном Фейтом. В течение нескольких лет была возлюбленной Фридриха Шлегеля, прежде чем они поженились в 1804 году. Жила в Йене с 1799 по 1802 год.

Вникни в самого себя: отврати свой взор от всего, что тебя окружает, и направь его внутрь себя – таково первое требование, которое ставит философия своему ученику. Речь идет не о чем-либо, что вне тебя, а только о тебе самом.
Иоганн Готлиб Фихте

Откуда я заимствую свои понятия? Непременно я – непременно у самого себя. Для себя я сам – основа всех мыслей.
Новалис

Определенно, чем я свободнее, тем счастливее.
Каролина Шлегель-Шеллинг

Пролог

Всю свою жизнь я поступала неправильно. А может, это и был правильный путь. Или, быть может, просто нетрадиционный. В знак протеста против моих умных, свободомыслящих, любящих и погруженных в научную работу родителей я отказалась поступать в университет и вместо учебы работала в ресторанах и барах. Это не значит, что я не занималась самообразованием. Я читала. В основном художественную литературу и философию. Я всегда была ненасытным читателем, но хотела сама решать, что мне читать, а не быть привязанной к университетской программе. Я также начала учиться на художника-декоратора, работала экскурсоводом в музее, проходила стажировку в театре. С раздражающей самоуверенностью юношеского эгоизма я смотрела на мир сквозь призму собственного – каюсь, узкого – кругозора.

Что плохого в том, чтобы весь день читать? Что плохого в том, чтобы менять свои решения? Что плохого в том, чтобы танцевать всю ночь? Я легко влюблялась и легко расставалась. В 22 года у меня родилась дочь. Внезапно осознав, что вечно работать в ресторанах и барах не получится, я поступила в немецкий университет. Однако единственное, что мне там нравилось, – это семинары по философии. На этих занятиях передо мной словно закручивался водоворот, затягивая в упоительный мир размышлений. Мне казалось, что я нахожу ответы на вопросы, поставленные самой жизнью. Что такое зло? Что значит быть добрым? Кто мы такие? Почему мы такие? Сейчас, 30 лет спустя, я с трудом могу вспомнить, что тогда читала, но книги и дискуссии с профессорами и сокурсниками учили меня думать и задавать вопросы. Я также начала понимать историю не как последовательность событий и дат, которые аккуратно выстраиваются в ряд, словно нанизанные на нить жемчужины, а как взаимосвязанную систему. Я начала смотреть на настоящее сквозь призму прошлого.

Я стала серьезнее относиться к жизни, но продолжала принимать импульсивные решения. Тем не менее я чувствовала себя свободной и была полна решимости держать свою судьбу под контролем. Возможно, некоторые решения были безрассудными, но они были моими – по крайней мере, я так думала. Теперь я, конечно, понимаю, что вела себя подобным образом только потому, что у меня было замечательное преимущество: я знала, что, если что-то пойдет не так, я всегда могу обратиться к родителям (представителям среднего класса).

В сущности, следовать за своей мечтой научили меня родители. Они и сами так поступили, когда в 1960-х уехали из Германии в Индию, чтобы работать в Deutscher Entwicklungsdienst (немецкий аналог Корпуса мира). Если детство моих родителей началось в бомбоубежищах времен Второй мировой войны, то мое прошло среди буйных красок Индии. Когда в 1966 году они сели в самолет, то оставили позади спокойную жизнь, в которой мама была секретарем, а папа работал в провинциальном банке. Вернулись они с двумя маленькими детьми и начали все сначала. К этому моменту обоим было чуть за 30, и они поступили в университет – первыми в своих семьях. Мама стала преподавателем, а отец – выдающимся ученым, исследующим проблемы мира и конфликтов.

Когда моей дочери было шесть лет, мы переехали из Германии в Англию. Решение было спонтанным. Я бросила учебу, продала немногочисленное имущество и перебралась в Лондон. Я была матерью-одиночкой с незаконченным образованием, набитым книгами чемоданом, без дохода, но, казалось, с неиссякаемым запасом уверенности в себе. Я поселилась у друга (самого лучшего друга), подала заявку на стипендию, начала учиться в Лондоне, по новой магистерской программе, и окончила ее. Я много работала. Много сомневалась. Я переживала. Мы едва сводили концы с концами. Но то была жизнь, полная любви, тепла и счастья. Возможно, я была импульсивной, но при этом также очень организованной и всегда и все планировала. Это была не хаотичная, а жизнеутверждающая импульсивность.

В Англии я обрела свой голос. В буквальном смысле. Обрела его, говоря на языке, который не был мне родным. Я начала писать. Я стала старше, но не мудрее. Кто-то скажет, что наверняка можно было бы найти более высокооплачиваемую работу. Конечно, можно. Но не было другой, которую я бы любила с той же силой. Как правило, она не похожа на работу. Писательство – это то, чем я хочу заниматься день за днем на протяжении всей жизни. Я пишу. Я рассказываю истории. Я пытаюсь разобраться в прошлом, чтобы узнать что-то новое о настоящем. Мне повезло. Невероятно повезло. Все могло бы пойти совсем иначе. Но все получилось. Мне везет до сих пор – я живу *своей* жизнью. И при этом прекрасно понимаю, что все может измениться.

Бывали времена, когда мое неистовое стремление к независимости перерастало в эгоизм. Уверена, моя дочь предпочла бы не переезжать так часто. Но, несмотря на все эти потрясения, она выросла прекрасным человеком, а вместе с ней повзрослела и я. Эта маленькая девочка дала мне опору и превратила мое стремление к свободе в нечто большее – в стремление быть хорошим человеком. Она помогла мне найти баланс между свободолюбием и ответственностью.

Мы живем в мире, в котором буквально на цыпочках ступаем по тонкой грани между свободой воли и эгоизмом, между самоопределением и нарциссизмом, между эмпатией и праведностью. В основе всего лежат два важнейших вопроса: что я собой представляю? И к какой группе и обществу принадлежу? Я живу в Лондоне, большом грязном мегаполисе, переполненном людьми, где каждое утро сотни тысяч пассажиров набиваются в метро, чтобы добраться до своих рабочих мест. Толкая друг друга в этой огромной толпе, они делят физическое пространство, но при этом каждый из них находится в собственном мире. Они смотрят на свои маленькие мерцающие экраны, читают электронную почту, проверяют аккаунты в социальных сетях, играют в игры или просматривают фотографии. Это город, где туристы толпятся перед Биг-Беном или собором Святого Павла в поисках лучшего места для идеального селфи. Но это также город, где люди рискуют своей жизнью, помогая пострадавшим в жестоких уличных драках или террористических актах, и где люди заботятся о своих соседях.

Мы заключили общественный договор с теми, кто управляет нами. Мы приняли, пусть и не навечно, законы, которые формируют общество, в котором мы живем. Эти законы подлежат обсуждению: их можно пересматривать или менять с учетом новых обстоятельств; но бывают ли моменты, когда я как личность или мы как общество можем протестовать против этих законов или даже нарушать их? В основном такие изменения происходят постепенно – их обсуждают, за них голосуют, а затем внедряют. И хотя правовая система часто сопряжена с регрессом, разочарованиями и несправедливостью, она тем не менее остается неотъемлемой частью наших демократических отношений с государством и друг с другом. Иногда изменения более радикальны или носят временный характер. Возьмем, к примеру, глобальную пандемию, когда миллионы из нас добровольно отказались от своих основных прав и свобод ради общего блага. Месяцами мы не виделись с друзьями и семьями и следовали драконовским правилам, потому что считали это морально правильным. Но так поступали не все. Некоторые просто отказывались подчиняться этим ограничениям, настаивая на том, что их личные свободы важнее.

Бóльшую часть своей взрослой жизни я пытаюсь понять, почему мы такие, какие есть. Именно поэтому я пишу исторические книги. В предыдущих книгах я рассматривала взаимоотношения человечества и природы, чтобы понять, почему мы стали причиной такого опустошения нашей великолепной голубой планеты. Но я также понимаю, что недостаточно рассматривать только связи между нами и природой. В первую очередь необходимо взглянуть на людей по отдельности: когда мы стали такими эгоистичными? В какой момент мы начали претендовать на право самостоятельно определять свою судьбу? Когда мы решили, что нам можно брать то, чего мы хотим? Откуда все это – мы, вы, я и наше коллективное поведение? Когда мы впервые задали вопрос: как я могу стать свободным?

Именно исследуя жизнь Александра фон Гумбольдта, героя моей книги «Открытие природы», я нашла ответы на эти вопросы – в Йене, малоизвестном городке примерно в 240 км к юго-западу от Берлина, в Германии. Именно здесь в последнее десятилетие XVIII века Гумбольдт присоединился к группе романистов, поэтов, литературных критиков, философов, эссеистов, редакторов, переводчиков и драматургов, которые, опьяненные Французской революцией, сделали «Я» центром своих размышлений. В Йене произошло столкновение и слияние их идей – событие, имевшее колоссальные последствия для немецких земель и всего мира – в том числе и для нашего мышления.

Группу объединяла одержимость идеей свободного «Я» в эпоху, когда большей частью мира правили монархи и вожди, контролировавшие многие аспекты жизни своих подданных. «Человек, – воскликнул философ Иоганн Готлиб Фихте с кафедры во время своей первой лекции в Йене, – должен сам определять себя и никогда не позволять определять себя посредством чего-нибудь постороннего»[1]. Такой акцент на личности и ценности индивидуального опыта стал путеводной звездой для членов этого круга.

Примерно на десять лет (с середины 1790-х годов), которые они вместе прожили в Йене, этот небольшой городок на берегу реки Заале стал центром западной философии: всего лишь мгновение для истории, но одно из важнейших десятилетий для формирования современного взгляда на мир. Сегодня мало кто за пределами Германии слышал о Йене, но произошедшее там за эти несколько лет остается с нами и по сей день. Мы до сих пор мыслим, опираясь на идеи этих провидцев, глядим на мир сквозь призму их воображения и чувствуем сквозь призму их эмоций. Мы можем не осознавать этого, но то, как они понимали мир, по-прежнему определяет нашу жизнь и наше бытие.

Одним из членов этой группы была Каролина Михаэлис-Бёмер-Шлегель-Шеллинг, носившая фамилии отца и трех мужей и не желавшая ограничивать себя той ролью, которую общество предназначало женщинам. Каролина находится в центре этой вдохновляющей истории.

* * *

30 марта 1793 года. Карета резко остановилась. Солдаты окружили экипаж, и один из прусских офицеров шагнул вперед. Открыв дверцу, он увидел хорошо одетую женщину и ребенка, спросил, как их зовут, откуда они едут, и попросил предъявить документы. «Из Майнца? Бёмер?» – осведомился он, разворачивая бумаги, и этот простой вопрос решил судьбу молодой женщины[2]. Пруссаки были наслышаны о юной вдове Каролине Бёмер и ее связях с французскими революционерами, оккупировавшими этот немецкий город.

Возмущенная допросами и обвинениями, Каролина отказалась сотрудничать и вела себя настолько дерзко, что, как позже рассказывали друзья, ее, кричавшую и вопившую во все горло, пришлось препроводить во Франкфурт[3]. Вместе с семилетней дочерью Августой Каролину поместили под домашний арест под бдительным присмотром трех охранников. Во время

---

[1] *Fichte J. G.* Einige Vorlesungen über die Bestimmung des Gelehrten (1794). Lektion 1 // Fichte SW. Bd. 6. S. 297.

[2] Арест CS: Каролина уехала из Майнца 30 марта 1793 года, но была остановлена в Оппенгейме, ориентировочно в 16 км к югу от Майнца. Затем ее доставили во Франкфурт, расположенный примерно в 48 км от Оппенгейма. CS – Ф. Л. В. Мейеру, 15 июня 1793 г.; С. Т. Зёммеринг – Х. Г. Гейне, 6, 8 и 13 апреля 1793 г. // *ForsterG.* Georg Forsters Briefwechsel mit S. Th. Sömmerring / Hrsg. Hermann Hettner. Braunschweig: Friedrich Vieweg, 1877. S. 614–618, 620–621; Тереза Хубер – Терезе Форстер, 17–25 июля 1803 // *Huber T.* Briefe. Bd. 1 / Hrsg. Magdalene Heuser. Berlin: De Gruyter, 1999. S. 422.

[3] Тюремное заключение CS: CS – Ф. Л. В. Мейеру, 15 июня 1793; С. Т. Зёммеринг – Х. Г. Гейне, 6, 8 и 13 апреля 1793 г. // *Forster G.* Georg Forsters Briefwechsel mit S. Th. Sömmerring. S. 614–618, 620–621; Тереза Хубер – Терезе Форстер, 17–25 июля 1803 г. // *HuberT.* Briefe. Bd. 1. S. 422.

допроса она саркастически сказала записывавшему ее ответы офицеру, что «из него получился бы отличный редактор, поскольку он изложил дело с замечательной лаконичностью»[4].

После этого у Каролины не осталось ни одного шанса вырваться из плена. У нее конфисковали багаж, обвинили в симпатиях к Франции и без суда заключили в тюрьму. Местом заключения стала старая крепость Кёнигштайн, расположенная примерно в 16 км к северо-западу от Франкфурта и в 32 км к северо-востоку от Майнца. Через девять дней после ареста, 8 апреля 1793 года, Каролина с маленькой Августой были вынуждены следовать за процессией немецких революционеров, закованных в цепи и кандалы. Когда они покидали Франкфурт в конвоируемом экипаже, прохожие забросали их тухлыми яйцами, камнями и яблоками. Мужчинам-заключенным пришлось намного хуже: они были вынуждены идти пешком, и их били до крови[5].

Несколько часов спустя Каролина разглядела крепость, возвышавшуюся над руинами Кёнигштайна, который подвергся бомбардировке со стороны прусских войск, старавшихся вырвать его из рук французов. Когда пленники прибыли, их провели через арочные ворота в высоких древних стенах, и они оказались в мрачном внутреннем дворе крепости. Это было пугающее зрелище, и уж точно не место для ребенка. Солнце вряд ли когда-нибудь касалось этих холодных камней, и, томясь в ожидании, они слышали лишь скрежет железных замков да тяжелые шаги обутых в сапоги охранников, эхом разносившиеся по коридорам. Время от времени где-то в отдалении раздавался стон. Наконец Каролину, маленькую Августу и еще нескольких женщин втолкнули в темное грязное помещение, где на полу валялись замызганные, набитые соломой тюфяки, стояла пара грубых деревянных скамей и бадья с мутной водой. Воздух был спертым, а стены – сырыми. В последующие дни и недели они ели картошку прямо руками, без столовых приборов, и черпали воду из бадьи кружками. Вскоре их одежда и волосы кишели вшами[6].

Тюрьма совершенно не походила на то, к чему привыкла Каролина, дочь знаменитого профессора Гёттингенского университета в немецкой земле Ганновер. Ее отец был уважаемым востоковедом и теологом, известным не только своей ученостью, но и остроумием и непристойными шутками. Семья жила в большом элегантном особняке в центре города, где в качестве гостей бывали знаменитый немецкий поэт Гёте и американский революционер Бенджамин Франклин, а также многочисленные студенты, посещавшие лекции отца Каролины в аудитории на первом этаже[7].

Каролина выросла в окружении книг, интеллектуальных бесед и ученых занятий. В ее распоряжении была университетская библиотека, а частные учителя обеспечили всестороннее образование. Она легко училась, бегло говорила на нескольких языках и, в отличие от большинства образованных женщин ее возраста, писала с безупречной грамотностью, как заправский литератор[8]. Уверенная в себе, бесстрашная и «немного необузданная»[9], как о ней говорили, в 15 лет она заявила: «Я никогда не льщу, а говорю то, что думаю и чувствую»[10]. Она

---

[4] С. Т. Зёммеринг – Х. Г. Гейне, 6 апреля 1793 г. // *ForsterG.* Georg Forsters Briefwechsel mit S. Th. Sömmerring. S. 615.

[5] Путь из Франкфурта в Кёнигштайн: С. Т. Зёммеринг – Х. Г. Гейне, 8 и 13 апреля 1793 г. // *Forster G.* Georg Forsters Briefwechsel mit S. Th. Sömmerring. S. 616–617, 620–621; *Liebeskind J. H.* Rükerinnerungen von einer Reise durch einen Theil von Teutschland, Preußen, Kurland und Liefland, während des Aufenthalts der Franzosen in Mainz und der Ünruhen in Polen. Strasburg: k. V., 1795. S. 34–40.

[6] Каролина Шлегель в Кёнигштайне: CS – Ф. В. Готтеру, 28 апреля 1793 г. и 15 июня 1793 г.; CS – Луизе Готтер, 19 апреля 1793 г.; описание условий в крепости Кёнигштайн см. в *Liebeskind J. H.* Rükerinnerungen von einer Reise. S. 41–88.

[7] Гости в доме CS: CS – Луизе Готтер, 30 сентября 1783 г.; *AppelS.* Caroline Schlegel-Schelling: Das Wagnis der Freiheit: Eine Biographie. Munich: C. H. Beck, 2013. S. 15–16.

[8] Воспитание CS: *Roßbeck B.* Zum Trotz glücklich: Caroline Schlegel-Schelling und die romantische Lebenskunst. Munich: Siedler, 2008. S. 17ff.

[9] Г. Х. Бойе о CS в 1779 г., цит. по: *Appel S.* Caroline Schlegel-Schelling. S. 19.

[10] CS – Юлиане Штудниц, 28 сентября 1778 г.

была невысокой и стройной, с горевшими любопытством голубыми глазами и каштановыми волосами, густыми локонами обрамлявшими лицо. Ее можно было бы назвать красивой, если бы не оспа, испортившая ей кожу; кроме того, она слегка косила. Одевалась она элегантно, обладала множеством поклонников и была уверена в себе[11]. Мало что могло ее напугать.

Они с дочерью попытались бежать из Майнца 30 марта 1793 года, когда к городу подошли почти 50 000 прусских и австрийских солдат, чтобы отбить его у Французской революционной армии[12]. Каролина прожила в Майнце чуть больше года. Она находилась там, когда в октябре 1792 года в город прибыли французы, а на следующий день немецкие революционеры основали так называемое Общество друзей свободы и равенства[13]. Перепуганные аристократы, духовенство, государственные служащие и правящий принц-курфюрст бежали из города, но остальные приветствовали вторжение французской армии и новые демократические убеждения. Те, кто остался, прикрепили к шляпам красно-сине-белые кокарды – символ революции – и, маршируя по улицам, скандировали «Vivre libre ou mourir», что означало «Живи свободным или умри!»[14].

Как и другие либерально настроенные немцы, 29-летняя Каролина Бёмер приветствовала Французскую революцию и французов. Четырьмя годами ранее, в июле 1789 года, она прочитала, как в результате штурма Бастилии в Париже были вырваны корни французского феодализма и как Декларация прав человека и гражданина провозгласила всех людей равными[15]. Когда тысячи протестующих двинулись маршем к Версальскому дворцу, а охваченные паникой король и королева Франции бежали, Каролина рассказывала своей младшей сестре об этих славных событиях. «Пусть богатые отойдут в сторону, а бедные правят миром», – заявила она[16].

Свобода, равенство и братство – главные лозунги революции – обещали новый мир. После столетий правления деспотичных монархов, которые благоволили немногим, а остальным позволяли умирать от голода, французский народ основал республику и казнил своего короля. Теперь править Францией будет не горстка избранных, а народ. Каролина была в восторге от открывавшихся возможностей. «Все-таки мы живем в очень интересное с точки зрения политики время», – написала она вскоре после прибытия в Майнц[17]. Ей не терпелось рассказать будущим внукам, что она стала свидетельницей величайшего переворота всех времен. Это было волнующе, знаменательно и головокружительно. «Кто знает, когда я получу пулю в голову!» – говорила Каролина, но ей не хотелось ничего упустить[18].

Каролина прожила в Майнце целый год и много времени проводила с Георгом Форстером[19], старым другом по Гёттингену и отважным исследователем, участвовавшим во втором кругосветном плавании капитана Кука в начале 1770-х годов. Форстер также был одним из

---

[11] Внешность CS: художник Фридрих Август Тишбейн о CS // Briefe CS. Bd. 1. S. 742; Х. Г. Кёрнер – Шиллеру, 17 апреля 1797 г.; Caroline Tischbein-Wilken, 1799 г. // *Stoll A.* Der Maler Joh. Friedrich August Tischbein und seine Familie: Ein Lebensbild nach den Aufzeichnungen seiner Tochter Caroline. Stuttgart: Strecker & Strecker, 1923. S. 110; Людвиг Тик о CS // Briefe CS. Bd. 1.S. 748; также см. портреты CS.

[12] Французская революционная армия – вооруженные силы Франции в период с 1792 по 1804 г., во время Великой французской революции и консульства, сформированные в ходе Французских революционных войн. Отличалась революционным энтузиазмом, несмотря на плохое оснащение, и была основана на принципе всеобщей воинской повинности, что позволило мобилизовать огромное количество людей. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

[13] Общество друзей свободы и равенства – неофициальное название Якобинского клуба во время Французской революции. Клуб был влиятельным революционным движением, выступавшим за радикальный эгалитаризм и республиканизм, а также за применение насилия для достижения своих целей.

[14] CS – Ф. Л. В. Мейеру, 27 октября 1792 г.; о кокардах см. письмо от 6 октября 1792 г.

[15] События во Франции: CS – Лотте Михаэлис, октябрь 1789 г.

[16] CS – Ф. Л. В. Мейеру, 1 марта 1789 г.

[17] CS – Луизе Готтер, 20 апреля 1792 г.

[18] CS – Ф. Л. В. Мейеру, 17 декабря 1792 г.

[19] Иоганн Георг Адам Форстер (1754–1794) – немецкий просветитель, публицист, писатель, путешественник, ученый-естествоиспытатель, этнограф, общественно-политический деятель, один из вождей Майнцской республики.

ведущих революционеров Германии. Каждый день Каролина совершала короткую пятиминутную прогулку от своей квартиры до его дома. По вечерам майнцские революционеры собирались в гостиной Форстера, чтобы за чашкой чая обсудить новости из Франции и собственные планы создания республики в Майнце[20].

Воодушевленная тем, что оказалась в самой гуще событий, Каролина обсуждала политику и революции с друзьями и незнакомцами, читала свежие газеты и была полностью поглощена общей суматохой. Она была в Майнце, когда сажали Дерево свободы[21], вокруг которого все пели и танцевали до глубокой ночи[22]. Она посещала званые ужины и вечера, устраиваемые французами, – и об этом вскоре поползли слухи. Некоторые приписывали ей роман с генералом Кюстином, командующим французскими войсками, оккупировавшими Майнц, с которым Каролина несколько раз обедала. Другие подозревали связь с Георгом Форстером[23]. Усугубляло ситуацию и то, что Каролина по натуре была кокеткой, да еще и утверждала, что французские мужчины красивее немцев[24].

В середине марта 1793 года, через шесть месяцев после прибытия французов, немецкие революционеры провозгласили Майнцскую республику – первую на немецкой земле. Но просуществовала она недолго. Две недели спустя прусская армия двинулась к городу, чтобы отбить его у французов. Каролина сочла разумным покинуть город, но не успела проехать и 15 км, как ее арестовали пруссаки.

В Кёнигштайн она попала в самый неподходящий момент. Они с Августой могли выдержать холод и голод, могли спать на тюфяках рядом с незнакомыми людьми, но в тюрьме Каролина с ужасом обнаружила, что беременна[25]. Хуже того, беременность стала результатом случайной встречи на балу, произошедшей в начале февраля, во время французской оккупации Майнца. Отцом ребенка был 18-летний французский офицер, с которым она виделась лишь однажды. В то время женщин ее положения осуждали даже за то, что они побыли в комнате наедине с мужчиной, и поведение Каролины представлялось возмутительным.

Беременная от французского солдата вдова с маленькой дочерью, заключенная в тюрьму пруссаками и обвиненная в сговоре с врагом, – такая ситуация встревожила даже неустрашимую Каролину. В запасе у нее было три, от силы четыре месяца, прежде чем беременность станет заметной. Если бы о ее положении стало известно, репутации Каролины пришел бы конец, а власти смогли бы забрать у нее любимую Августу.

По мере того как рос живот, она все туже затягивала корсет и рассылала письма друзьям и знакомым, имевшим политические связи. У одного из ее давних поклонников были знакомые при прусском дворе. Она также написала Августу Вильгельму Шлегелю, молодому писателю и своему преданному поклоннику еще со времен Гёттингена. Пруссаки, однако, держались твердо. Ужины Каролины с генералом Кюстином и французами стали достоянием общественности, да и маленькая Августа, с энтузиазмом скандировавшая «Vive la nation!»[2627] и распе-

---

[20] Каролина Шлегель в Майнце: CS – Луизе Готтер, 20 апреля 1792 г.; CS – Ф. Л. В. Мейеру, 29 июля 1793 г.; также см. Briefe CS. Bd. 1. S. 692–696.

[21] Дерево свободы было символом Французской революции и впервые было посажено в 1790 г. в Париже. Дерево свободы не обязательно должно было быть настоящим растением, а могло состоять из простого шеста, украшенного трехцветными лентами, увенчанного красной фригийской шапкой и флагами.

[22] Дерево свободы: *Damm S. (hrsg.)*. Caroline Schlegel-Schelling: Die Kunst zu leben. Frankfurt and Leipzig, Insel Verlag, 2005. S. 33.

[23] Любовные романы CS: FS – AWS, 3 апреля 1793 г.; Й. Г. Л. Мёллер – AWS, 16 мая 1793 г.; С. Т. Зёммеринг – Х. Г. Гейне, 6 апреля 1793 г. // *Forster G.* Georg Forsters Briefwechsel mit S. Th. Sömmerring. S. 616; Тереза Хубер – Терезе Форстер, 17–25 июля 1803 г. // *Huber T.* Briefe. Bd. 1. S. 422.

[24] CS – Луизе Готтер, 20 апреля 1792 г.

[25] Беременность CS: CS – Ф. Л. В. Мейеру, 30 июля 1793 г.; Тереза Хубер – Терезе Форстер, 17–25 июля 1803 г. и 3 сентября 1803 г. // *Huber T.* Briefe. Bd. 1. S. 422, 428.

[26] Vive la nation! *(фр.)* – французский революционно-патриотический возглас, означающий «Да здравствует нация!».

вавшая «Марсельезу», ситуацию не улучшала. С каждым днем отчаяние Каролины росло. «Длительное заключение поставит мою жизнь под угрозу, – писала она мужу своей старейшей подруги, наконец раскрывая правду в отчаянной мольбе о помощи, – но никому не говорите»[28].

Заключенная в тюрьму в начале апреля, она все еще находилась в Кёнигштайне в середине июня, когда из-за не по сезону холодных штормовых ветров морозом побило грозди на виноградных лозах[29]. Мать и дочь изо всех сил пытались согреться в сырой камере, и Августа справлялась лучше, чем Каролина, которая страдала от утренней тошноты и воспаления десен. Каролина ощущала нехватку движения и свежего воздуха, и ее здоровье неуклонно ухудшалось[30]. Ее мучили постоянные головные боли и кашель, ставший хроническим. Она была напугана. Даже здесь, примерно в 30 км от линии фронта, она слышала грохот французских и прусских пушек, обстреливавших Майнц[31]. Новых пленных сотнями доставляли в крепость, где пруссаки избивали их, и многие умирали от полученных ран[32].

Однако более всего Каролину тревожила ее беременность и растущий живот. Она продолжала писать письма, подчеркивая, насколько безвыходным становится ее положение – «как отчаянно я нуждаюсь в скорейшем спасении»[33], но друзья один за другим отворачивались от нее[34]. Тем временем старый поклонник из Гёттингена, Август Вильгельм Шлегель, делал все возможное, чтобы помочь, отправляя письма всем, кто мог посодействовать ее освобождению[35]. Он ни разу не дрогнул – ни тогда, когда Каролина призналась в беременности, ни тогда, когда его брат рассказал ему о предполагаемой связи Каролины с генералом Кюстином[36]. Каролина предупредила, что, если Августу Вильгельму не удастся в ближайшее время освободить ее из тюрьмы, ему придется снабдить ее ядом, чтобы она смогла покончить с собой. Для Августы было бы гораздо лучше остаться сиротой, чем жить с опозоренной матерью[37].

* * *

Спустя несколько месяцев, в июле 1793 года, Каролина была освобождена из тюрьмы благодаря помощи своего младшего брата, которому помогла старая подруга, любовница прусского короля[38]. В ноябре Каролина тайно родила сына. Следующие два года ей пришлось скитаться по всей Германии, преследуемой злобными слухами; к ней относились как к изгою. Казалось, что жизнь кончена, но тут на помощь пришел Август Вильгельм Шлегель. В 1796 году они поженились и переехали в Йену, где Каролина стала душой и сердцем группы молодых людей, стремившихся изменить мир. Она была музой и критиком, оказывавшей влияние на их литературные произведения, а в ее доме они встречались, думали, разговаривали, смеялись и писали.

---

[27] CS – Луизе Готтер, 24 января 1793 г.; о «Марсельезе» см. FS – AWS, 30 января 1796 г.

[28] CS – Ф. В. Готтеру, 1 мая 1793 г.

[29] Замерзший виноград: Гёте – Кристиане Вульпиус, 3 июля 1793 г.

[30] Ухудшение здоровья CS: CS – Ф. В. Готтеру, 28 апреля 1793 г. и 15 июня 1793 г.

[31] CS слышала грохот пушек: CS – Ф. В. Готтеру, 12 мая 1793 г.

[32] Избиение пленных: CS – Ф. В. Готтеру, 15 июня 1793 г.

[33] CS – Ф. В. Готтеру, 12 мая 1793 г.

[34] Ibid.

[35] Помощь AWS: Й. Г. Л. Мёллер – AWS, 16 мая 1793 г.; WH – AWS, 25 мая 1793 г.

[36] FS рассказал AWS о романе CS: FS – AWS, 3 апреля 1793 г.

[37] Яд для CS: CS – Ф. Л. В. Мейеру, 30 июля 1793 г.; Тереза Хубер – Терезе Форстер, 17–25 июля 1803 г. // *Huber T.* Briefe. Bd. 1. S. 422.

[38] Любовница прусского короля: Фридрих-Вильгельм II – Готфриду Филиппу Михаэлису, 4 июля 1793 г. // *Kleßmann E.* Universitätsmamsellen: Fünf aufgeklärte Frauen zwischen Rokoko, Revolution und Romantik. Frankfurt: Eichborn, 2008. S. 200; также см. *Wiedemann L.* Erinnerungen von Luise Wiedemann / Hrsg. Julius Steinberger. Göttingen: Vereinigung Göttinger Bücherfreunde, 1929. S. 81–82; CS – Луизе и Ф. В. Готтер, 30 июня 1793 г. и 13 июля 1793 г.

В эту необычную группу бунтарей 20–30 с небольшим лет входили загадочный поэт Новалис, заигрывавший со смертью и тьмой, дерзкий философ Иоганн Готлиб Фихте, поставивший в центр своих работ «Я», и блестящие братья Шлегель, Фридрих и Август Вильгельм, оба писатели и критики, один из которых был столь же импульсивным и вспыльчивым, сколь другой – спокойным. Входила в их группу и Доротея Фейт, писательница, шокировавшая берлинский свет своим романом с гораздо более молодым Фридрихом Шлегелем. Преподавал в Йене и Фридрих Шеллинг, эксцентричный мыслитель, исследовавший взаимоотношения личности и природы. Там же жил и самый революционный из драматургов Германии, Фридрих Шиллер, который как привлекал к себе молодое поколение, так и провоцировал идейные расколы.

Немного особняком стояли Георг Вильгельм Фридрих Гегель, один из самых влиятельных философов в истории, и еще два брата – Вильгельм и Александр фон Гумбольдты. Первый был одаренным лингвистом и основателем Берлинского университета, а второй – бесстрашным и дальновидным ученым-исследователем. А в центре этой плеяды блестящих умов находился Иоганн Вольфганг фон Гёте, самый прославленный поэт Германии. Будучи старше и известнее своих товарищей, Гёте стал для членов группы кем-то вроде строгого, но благосклонного крестного отца. Часто выступая в роли посредника, он вдохновлялся их новыми радикальными идеями, а они, в свою очередь, поклонялись ему. Гёте был их богом, и они возвели его на пьедестал.

Каждый из этих великих умов прожил жизнь, достойную отдельного рассказа. Однако еще более удивительным, чем их биографии, является тот факт, что все они собрались в одно и то же время в одном и том же месте. Именно поэтому я назвала их группу «Йенским кружком».

* * *

Они родились в мире, настолько отличающемся от нашего, что это даже трудно представить, – в Европе, где правили монархи, во многом определявшие жизнь своих подданных. Дворец французского короля в Версале с его позолоченными зеркальными залами и великолепными садами был средоточием абсолютной власти над всей Францией, в то время как многие жители страны испытывали крайнюю нужду. Судьба французского народа определялась рождением и волей короля точно так же, как деревьям в королевских садах, высаженным вдоль расходящихся лучами и сплетенных в замысловатые узоры аллей, придавали форму ножницы садовников. Все должно было быть на своем месте – все склонялось перед божественным правом королей и приспосабливалось к нему. И пока французская королева Мария-Антуанетта играла роль пастушки перед стадом своих надушенных овец в небольшом дворце Малый Трианон[39], крестьяне и рабочие по всей стране голодали.

Еще дальше на восток, в России, Екатерина Великая провозгласила себя просвещенным монархом и реформировала страну, но и она правила железной рукой. Там, как и на восточных территориях Германии, все еще господствовало крепостное право. Эта древняя феодальная система привязывала людей к земле и помещикам. Подобно рабам, они должны были работать на местных землевладельцев и не имели права уйти. Пошлины, десятина и налоги часто были настолько высоки, что прожить на оставшиеся средства было невозможно.

По всей Европе идеи философов подвергались цензуре, писателям запрещалось писать, профессора лишались работы за высказывания, а драматурги попадали в тюрьму за свои пьесы.

---

[39] Малый Трианон (*фр.* Petit Trianon) – небольшой дворец, расположенный на землях Версальского парка во Франции. Строился для фаворитки короля Людовика XV маркизы де Помпадур, которая умерла за четыре года до его завершения, достался следующей фаворитке – графине Дюбарри. В 1774 г. двадцатилетний Людовик XVI передал дворец и прилегающий парк в качестве частной резиденции своей супруге, 19-летней королеве Марии-Антуанетте, которая приезжала туда, чтобы отдохнуть от церемоний двора и бремени королевских обязанностей.

Некоторые правители имели право определять наследников или профессию своих подданных, в то время как другие могли изгнать их, заставить работать или отказать им в праве на переезд[40]. И хотя Фридрих Великий[41] гордился своей просвещенностью, даже в Пруссии мужчина-аристократ мог жениться на дочери фермера или ремесленника только по особому разрешению[42]. Некоторые монархи даже продавали своих подданных в качестве наемников иностранным державам, другие сдавали в аренду целые полки, чтобы покрыть собственные расходы. Мир, в котором выросли члены Йенского кружка, был миром деспотизма, неравенства и контроля.

Затем, в 1789 году, произошла Французская революция – событие настолько судьбоносное и драматичное, что оно не осталось не замеченным ни для кого в Европе. Оно было похоже на извержение вулкана или взрыв. Когда французские революционеры провозгласили, что все люди равны, это означало возможность установления нового общественного порядка, основанного на силе идей и свободы. «Реальностью становятся вещи, которым лет десять тому назад было бы отведено место в доме сумасшедших философов», – писал Новалис в 1794 году[43].

Французская революция доказала, что идеи сильнее могущества королей и королев. «Мы должны верить в *силу слов*», – заявил писатель Фридрих Шлегель, орудуя пером словно мечом[44]. Члены группы были в восторге от революции. Приветствуя идеи, распространявшиеся из Франции, Каролина, ставшая свидетельницей зарождения недолговечной Майнцской республики, считала, что «миром правят писатели»[45]. Шеллинг и Гегель с энтузиазмом пели «Марсельезу», когда вместе учились в Тюбингене, а философ Фихте написал памфлет, в котором заявил, что «Французская революция кажется мне очень важной для всего человечества»[46].

Фихте поместил «Я» (*Ich* по-немецки) в центр своей новой философии. Он наделил «Я» самой захватывающей из всех идей – свободой воли. Эта идея вспыхнула от пламени Французской революции. Укрепление «Я» было в равной степени связано с освобождением личности и восстанием против деспотизма государства. И эта радикально новая концепция свободного «Я» несла в себе потенциал иной жизни. Человек «должен быть тем, что он есть, – говорил Фихте своим ученикам в Йене, – потому что он хочет быть таким и имеет право хотеть быть таким»[47]. Все они верили, как сказал Шеллинг, в «революцию, совершенную философией»[48].

Веками философы и мыслители утверждали, что миром правит божественная рука и он подчиняется абсолютным божественным истинам. Хотя люди и могли прийти к пониманию этих абсолютных истин, они не были способны создать или сформировать их. XVIII век был эпохой открытий – именно тогда были обнаружены такие законы природы, как физика преломления света или силы, управляющие движением Луны и звезд.

---

[40] Правители Германии: *Brunschwig H.* Gesellschaft und Romantik in Preußen im 18. Jahrhundert. Frankfurt: Ullstein, 1975. S. 77–79.

[41] Фридрих II Великий – король Пруссии с 1740 г. из династии Гогенцоллернов. Яркий представитель просвещенного абсолютизма, основоположник прусско-германской государственности.

[42] По особому разрешению: Allgemeines Landrecht für die Preußischen Staaten, 2. Part 1. Titel, § 30–32 (Прусское земское уложение).

[43] Новалис – FS, 1 августа 1794 г.

[44] FS KA. Bd. 18. No. 776; также см. FS. «Über die Philosophie: An Dorothea» // Athenaeum. Bd. 2. 1799. S. 3.

[45] Генриетта Ховен – Шарлотте Шиллер, 4 апреля 1803 г. // *Schiller C.* Charlotte von Schiller und ihre Freunde. Stuttgart: J. G. Cotta'scher Verlag, 1862. Bd. 3. S. 273.

[46] *Fichte J. G.* Beitrag zur Berichtigung der Ürtheile des Publikums über die französische Revolution (1793) // Fichte SW. Bd. 6. S. 39; про пение «Марсельезы» см. K. F. A. Schelling // *Hegel G. W. F.* Hegel in Berichten seiner Zeitgenossen / Hrsg. Günther Nicolin. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1970. S. 14.

[47] *Fichte J. G.* Einige Vorlesungen über die Bestimmung des Gelehrten (1794). Lektion 1 // Fichte SW. Bd. 6. S. 297.

[48] Шеллинг – Гегелю, 21 января 1795 г.

Математика, рациональное наблюдение и контролируемые эксперименты проложили путь к знаниям, но люди все равно оставались винтиками, как казалось, в самим Богом созданной машине. Они определенно не были свободны.

Но человечество постепенно начинало оказывать некоторое влияние на природу. Такие изобретения, как телескопы и микроскопы, уже раскрыли тайны движения планет и природы крови. Появлялись новые технологии, например паровые двигатели, откачивающие воду из шахт, врачи, делающие прививки от оспы, и воздушные шары, поднимающие людей туда, где человек еще никогда не бывал. Когда в середине XVIII века Бенджамин Франклин изобрел громоотвод, человечество даже начало укрощать то, что долгое время считалось гневом Божьим.

Немецкие земли и княжества были пронизаны постоянно расширявшейся сетью дорог, а новые подробные карты и дорожные знаки указывали путь путешественникам, отправлявшимся за пределы родных городов. Бьющимся сердцем общества стало тиканье новых маятниковых часов. Минута за минутой стрелки с предсказуемой и все возрастающей точностью перемещались по циферблатам в карманах у людей и в гостиных, на ратушах и церковных башнях. Эти новые часы сообщали каждому, когда нужно есть, работать, молиться и ложиться спать. Их ритм стал новым хором, под который наперегонки бежали люди. Жизнь стала быстрее, предсказуемее и рациональнее. По словам Гегеля, девизом эпохи Просвещения было: «Все <..> разумно…»[4950]

Обратной стороной всей этой научной изобретательности, производительности и практичности было, как опасались члены Йенского кружка, то, что человечество слишком много внимания уделяло только разуму. Они считали, что тем самым реальность лишалась поэзии, духовности и чувств. Новалис писал, что «природу низвели до монотонной машины»[51], превратив «вечно созидательную музыку Вселенной в монотонный стук гигантского мельничного колеса»[52]. В то время как британский философ эпохи Просвещения Джон Локк в конце XVII века настаивал на том, что человеческий разум – это чистый лист, который на протяжении жизни заполняется знаниями, полученными исключительно из чувственного опыта, Йенский кружок утверждал, что наряду с разумом и рациональным мышлением следует отдать должное и воображению. Друзья обратились к внутреннему миру.

* * *

Сама Йена в те времена была небольшой. Университетский городок с населением всего 4500 человек[53]

[49] Полная цитата «Все действительное разумно, и все разумное действительно». Эта знаменитая мысль была высказана Гегелем в предисловии к «Философии права» (1821). Гегель, используя эту формулировку, хотел показать, что в основе всей действительности лежит разумность, а разумность, в свою очередь, реализуется в конкретных исторических и социальных явлениях.

[50] Hegel Werke. Bd. 3. S. 415.

[51] *Novalis.* Lehrlinge zu Sais // Novalis Schriften. Bd. 1. S. 99.

[52] *Novalis.* Die Christenheit oder Europa // *Novalis*. Fragmente und Studien: Die Christenheit oder Europa / Hrsg. Carl Paschek. Stuttgart: Reclam, 2018. S. 77.

[53] С населением всего 4500 человек: *Ziolkowski T.* Das Wunderjahr in Jena: Geist und Gesellschaft 1794–1795. Stuttgart: Klett-Cotta, 1998. S. 24.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.